

Ты

Наташе

У меня в руке кошёлка,
в голове моей—стекло.
Сколько золота и шёлка
на глаза мои пошло?

Согревает кацавейка
эти шрамы на плечах.
Ведь её вязали Блейку
в богадельне при свечах.

Песни опыта пропеты.
Что ещё осталось нам?
Пьём вино, едим котлеты
и глядим по сторонам:

вот сквозняк гуляет шторой,
вот—невинность, вот—кранты.
Ни одной другой, которой
я скажу такое: «Ты?»

Малиновка

Давно не слышал соловья
ни у ручья, ни в роще.
А ты, малиновка моя,
поёшь намного проще.

Земля моя седым-седа,
печаль моя—волынка,
и путеводная звезда—
осенняя былинка.

Идут стада на водопой,
а я иду к истоку,
и ты, малиновка, пропой,
пропей меня до сроку.

Одно коленце и глоток,
а больше и не надо,
увязнет каждый коготок
в шпалере винограда.

А я отправлюсь в гастроном
за хлебом и закуской,
за нашим небом, нашим дном,
дневной полоской узкой.

Табачок

Родина есть—или родины нет,
так это или не так,
утром глядишь на балтийский рассвет,
куришь цыганский табак.

Рваные уши эстонских берёз,
рваные ноздри погод.
Сколько скрываешь ты правду от слёз?
Двадцать какой-то там год.

Если б на каторгу—вся недолга.
Если б клеймо—всех делов.
Если бы мордюю—хрясь об снега.
Только подальше от снов.

Снова и снова схожденье дождя—
слабенький, как дурачок,
с белого неба, как с дыбы, сойдя,
сыплется мой табачок.

Сыплет сегодня и сыпал вчера
прямо в осеннюю грязь,
и отступали солдаты Петра,
падая и матерясь.

Можно до Нарвы за пару часов,
можно совсем не спеша,
в чёрную пропасть кошачьих усов
словом табачным дыша.

Ларёк «Пиво-воды»

Этот старый ларёк
заколочен доскою.
Мне была невдомёк
солидарность с тоскою.

А увидел—и вот
сердце бьётся всё глуше.
Полустёртое «вод...»,
трафаретные груши.

И трава, и трава.
И трава по колено.
.....

И у нас есть права—
умирать постепенно.

Петрушка, шалфей, розмарин и тимьян.
Кончается лето. Густеет туман.
Сквозь чёрную ночь окликаю траву—
петрушку, шалфей, розмарин и тимьян,
пугливых прохожих ночами зову.

Куда ты идёшь, человек дорогой?
Послушай меня, дорогой человек,
иди за окликнутой мною травой
на запад и север, в шестнадцатый век.

Те запад и север всегда впереди,
и сколько ни шёл бы ты—ты не дойдёшь.
Да только прошу, не дойди, но найди
ту самую, что никогда не найдёшь.

Я сам бы пошёл, только нет башмаков,
и посох истлел, и земля глубока,
а та, что мне сшила рубаху без швов,
теперь—это ветер, листва, облака.

Кончается лето. Стихает молва
однажды любивших когда-то сердец,
прохожий прошёл, увядает трава—
петрушка, шалфей, розмарин и чабрец.

Кинематограф

Начинается случайно,
рвётся тонкий волосок.
А потом—сплошная тайна:
море, камни и песок,

скандинавские закаты,
скандинавские дожди.

— Мы ни в чём не виноваты!
— Я не жду. И ты не жди.

Море нежно. Море сонно—
вдох и выдох, выдох—вдох.
— Не молчи со мной, персона.
— Говори со мною, Бог.

Только камни, камни, камни
над водой и под водой.
Только крайне, крайне, крайне
пахнет солью и бедой.

Он не будет торопиться,
Он—хозяин волоску,
всем потерям, морю, птицам,
камню, мокрому песку.

Всем потерям, всем находкам—
два лица, потом одно.
Скандинавская погодка.
Скандинавское кино.

От Марка

Ах, красный парк, ах, красный парк
в лохмотьях ранней тьмы.
Как беден лексикон наш, Марк,
нам не писать псалмы.

Мы можем только по грязце,
не взяв в суму добра,
с улыбкой нежной на лице
светлее серебра.

С датского

Н. П.

1.

Звенела юбка-колокол,
да ветерок затих.
Прекрасней ты, чем облако.
Прекрасней всех других.

Огромная Вселенная
и весь её простор—
чтоб выходила тленная
и смертная во двор.

Вселенной время дадено
для стука каблочки
по доскам Копенгагена,
по сердцу дурачка,

чтоб изъясняться лепетом
любовным по ночам,
чтоб страхом, чтобы трепетом—
все кудри по плечам,

чтоб никуда не сгнуло
то, что звалось не плоть,—
а Он—с моей Региной—
Создатель и Господь.

Ах, локоны над плечиком,
и облака плывут,
один прыжок кузнечика
в могильную траву.

2.

Разгово-разговоры.
Но плывут облака,
облака-киркегоры.
Киркегоры, пока!

Ваши тёмные спины
в розоватом дыму.
Значит, тему Регины
не закрыть никому.

Тень сквозь тень

1.

Ты ни в чём не виновата.
Ты боролась с Ним в ночи —
от заката до заката.
Полдень. Домики. Грачи.
Колокольчик в правом ухе
Разошёлся: «динь-динь-дон».
Полдень. Домики. Старухи.
Полдень. Карканье ворон.
Ты боролась с Ним напрасно,
жилы порваны вотще.
Всё напрасно. Всё прекрасно —
каждый камешек в праще
закруглившейся дорожки,
пыль, ворона, седина,
силуэт в твоём окошке,
каждой вены глубина,
крик петуший, скрип осины,
взгляд усталый, тихий взор,
глубина глядит в глубины —
силуэт глядит во двор.

2.

Зимней астры не сберечь.
Не веди об этом речь.
Облако повисло.
Нету в этом смысла.
Смысла нет, но есть мотив —
дома, птиц, колодца.
Не придёт возвратный тиф,
а мотив вернётся —
песня небольшая,
сна тебя лишая.

На плите остывший чай,
на чепце — оборки.
Никому не отвечай
без скороговорки.
О себя ломай язык.
Не поймут — не надо.
Так надёжней прятать крик —
вопли листопада,
крик дороги и песка,
мха и земляники,
напряжённого виска
ангельские крики.

3.

Я уже не выдыхаю,
не могу я выдыхать,
улыбаюсь, отдыхаю,
проливаю чай в кровать.

Вот — на миг глаза закрою,
и предстанет мне на миг
двор старинного покроя
из моих старинных книг.

Слышен голос колокольни,
воркованье голубей —
это всё, что я запомнил,
всё, что помню, хоть убей.

Может, Псков, а может, Тула,
может, Амхерст в декабре.
Стол, приёмник, спинка стула,
руки — в лунном серебре.

Только голуби воркуют,
колоколенка звонит,
а влюблённые тоскуют,
а погасшее горит.

Спят созвездья и собаки,
не болит, тревоги нет,
через мусорные баки
прорастает маков цвет.

И проходят друг сквозь друга,
как сквозь тень проходит тень,
массачусетская вьюга,
достоевский белый день.

Мечта о вóроне и Моцарте

Написать бы так разорванно,
так — рваниною словес,
чтобы чёрным горлом вóрона
Моцарт маленький пролез —

доказательством прощения
прозвучал на белый свет,
оказался возвращением,
тем, чего на свете нет

и чего, наверно, не было,
а точнее, только в нём
пролетело небом-неводом,
синим облаком-огнём.